

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КАЗАХСКИМИ
ХАНСТВАМИ, ЦИНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЯМИ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: NODA J., ONUMA T. A COLLECTION OF
DOCUMENTS FROM THE KAZAKH SULTANS TO THE QING DYNASTY**

Хироюки Нагаминэ

*Национальный институт технологии, Ояма колледж
Ояма, Япония*

h_nagamine@oyama-ct.ac.jp; gamaja.yokaton.13@gmail.com

Данная статья посвящена исследованию «Сборника документов от казахских султанов к династии Цин». Документы, включенные в этот сборник, написаны в XVIII–XIX веках на ойратском (монгольском) языке с тодским шрифтом и на тюркском языке с арабским шрифтом. В сборнике, помимо текстов самих документов, представлены их транскрипция и переводы, а также включены две статьи исследователей, использовавших эти документы. Большая часть цинских документов хранится в коллекции Первого исторического архива (第一歷史檔案館) в Пекине. Часть материалов, относящихся к казахам, были опубликованы в «Сборнике архивных документов, касающихся китайско-казахских отношений во времена династии Цин» (清代中哈關係檔案彙編) и введены в научный оборот.

Всего в сборнике 16 документов, 14 из них выявлены в «Справочной копии Дворцового меморандума на маньчжурском в Большом совете» (軍機處滿文副奏摺) Первого исторического архива; один – в Центральном государственном архиве Республики Казахстан, и еще один взят из сборника документов «Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел» (Москва: Изд-во Наука, т. 11–12, 1979–80).

Один из составителей сборника, Такахино Онума, на основе выявленных документов выяснил, что международный мировой порядок между Цин и казахскими кочевниками в Средней Азии основывался не на «отношениях сюзерен-вассал (кит. *цзун-фань* 宗藩)», под влиянием конфуцианства, а на «отношениях хозяин-раб (монг. *эджен-альбату*)», берущих свое начало из монгольского кочевого общества. Второй составитель, Дзин Нода, утверждает, что титул казахских султанов, который первоначально считался как итог политики пособий Цин, на самом деле появился, с одной стороны, в результате требования казахских султанов, с другой стороны, благодаря «системе дарования титулов» династии Цин в процессе установления отношений; но эта система постепенно изживала себя из-за влияния России.

В данном исследовании отображена «двусторонняя дипломатическая политика» Казахских ханств, которые колебались между Цинской и Российской империями; а также различия между политикой обеих империй в отношении Казахских ханств. Мы надеемся, что использование этого исследования будет способствовать дальнейшему изучению истории взаимоотношений между Казахскими ханствами и Цинской и Российской империями.

Ключевые слова: казахи, династия Цин, Российская империя, документы, ойратский язык с тодским шрифтом, тюркский язык с арабским шрифтом, «отношения *эджен-альбату*», «двусторонняя дипломатическая политика»

Для цитирования: Нагаминэ Х. К вопросу о взаимоотношениях между Казахскими ханствами, Цинской и Российской империями. Рецензия на книгу: Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 210–223. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.210-223

Благодарности: Эта статья была поддержана JSPS KAKENHI; номер гранта JP19K01029.

**ON THE MUTUAL RELATIONS BETWEEN THE KAZAKH
KHANATES AND THE QING AND RUSSIAN EMPIRES.
BOOK REVIEW: NODA J., ONUMA T. A COLLECTION OF DOCUMENTS
FROM THE KAZAKH SULTANS TO THE QING DYNASTY**

Hiroyuki Nagamine

*National Institute of Technology, Oyama College
Oyama, Japan*

h_nagamine@oyama-ct.ac.jp; gamaja.yokaton.13@gmail.com

Abstract: This study, titled *A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty*, deals with 16 documents addressed from Kazakh sultans to the Qing Dynasty (and the Russian Empire/Governor-General of Siberia). These were written in the Oyrat (Mongol) language with Tod script or in the Turkic language with Arabic script from the eighteenth to nineteenth century, and come complete with text, transcription, and translation. In addition, this study includes two essays written by the authors who made use of these documents. The majority of Qing documents are preserved in a collection of the First Historical Archives (第一歷史檔案館) in Beijing. Many of these documents related to the Kazakhs have started to be published as *The Collection of the Archival Documents Concerning Sino-Kazakh Relations at the Time of the Qing Dynasty* (清代中哈關係檔案彙編) and so on, and to be used for historical research. Of the documents dealt with in this study, 14 are from the *Manchu Language Reference Copy of Grand Council Palace Memorial* (軍機處滿文副奏摺) of the First Historical Archives, one is from *Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan*, and one is from *Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka* (Moskva: Izd-vo Nauka, t. 11–12, 1979–1980). However, most of these documents are not included in the published collection mentioned above. Therefore, this study, together with the above-mentioned collection, represents another major step in the study of these documents.

In addition, by utilizing these documents, Takahiro Onuma clarifies that the international world order between the Qing dynasty and Kazakh nomads in Central Asia was not based on the “suzerain-dependency (Ch. *zong-fan* 宗藩) relationship”, which was heavily influenced by Confucianism, but rather, on the “master-slave (Mon. *ejen-albatu*) relationship”, which originated in Mongol nomadic society. Jin Noda, who also utilized these documents, states that the title of Kazakh sultans, which has been regarded as a product of the Qing benefit policy, was in fact a result of both the Kazakh sultans and Qing requiring the ‘title-bestowal system’ in the process of the establishment of relations. This system was gradually becoming a mere formality, partly because of the influence of Russia. These findings suggest that the Kazakh khanates were independently developing a “bilateral diplomatic policy” while mediating between the Qing and Russian empires, and they highlight

the policy differences of both empires toward the Kazakh khanates. We hope that the findings from this study will further advance the study of the history of the mutual relations between the Kazakh khanates and the Qing and Russian empires.

Keywords: Kazakhs, Qing dynasty, Russian empire, documents, Oyirad language with Tod script, Turkic language with Arabic script, “*ejen-albatu* relationship”, “bilateral diplomatic policy”

For citation: Nagamine H. On the Mutual Relations between the Kazakh Khanates and the Qing and Russian Empires. Book Review: *Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 210–223. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.210-223*

Acknowledgements: This paper was supported by JSPS KAKENHI; Grant Number JP19K01029.

В XVIII веке Казахские ханства направили свои миссии как в Российскую империю, так и ко двору династии Цин после ее победы над Джунгаром, и стали действовать в соответствии с «двусторонней дипломатической политикой», как если бы они принадлежали обеим сторонам¹. Привлечение только русских исторических материалов с российской стороны, как и китайских и маньчжурских материалов с цинской стороны, не отображают реальную картину положения Казахских ханств и не раскрывают полностью их отношения с Цин и Российской империей. Для максимального изучения взаимоотношений этих государств необходимо использовать документы Казахских ханств, направленные в династию Цин и Россию. Большим подспорьем для исследователей этих взаимоотношений является «Сборник документов от казахских султанов к династии Цин», изданный в Токио в 2010 г. В него включены 16 документов от казахских султанов к династии Цин и Российской империи (генерал-губернатору Сибири), написанные в XVIII–XIX вв. на ойратском (монгольском) и тюркском языках, на тодском и арабском шрифтах, соответственно. На основе этих материалов составители сборника Дзин Нода (Исследовательский институт языков и культур Азии и Африки, Токийский университет международных исследований) и Такахиро Онума (Университет Тохоку Гакуин) уже провели некоторые исследования [5; 6; 10]² и т.д.

Большинство цинских документов хранится в коллекции Первого исторического архива (第一歷史檔案館) в Пекине. Из них многие материалы, относящиеся к казахам, были опубликованы в «Сборнике архивных документов, касающихся китайско-казахских отношений во времена династии Цин (清代中哈關係檔案彙編)»³ и введены в научный оборот⁴. Однако, как

¹ Казахские ханства пытались поддерживать отношения с обеими сторонами, используя разные дипломатии для каждой; и Цин, и Россия это допустили. Такое неоднозначное положение Казахских ханств между Цин и Россией сделало возможным «двустороннюю дипломатическую политику» [3; 5, p. 85–118; 6, p. 101–143].

² [6] является англоязычной и пересмотренной версией [5].

³ Qingdai zhongha guanxi dang'an huibian 清代中哈關係檔案彙編 [Сборник архивных документов, касающихся китайско-казахских отношений во времена династии Цин] / eds. Zhongguo diyi lishi dangangan and Hasakesidan dongfangxue yanjiusuo

утверждает Нода, выбор документов был произвольным [4, p. 169]. Материалы, не вошедшие в выше упомянутый сборник, были включены впоследствии в «Сборник документов от казахских султанов к династии Цин», среди них четырнадцать источников из «Справочной копии Дворцового меморандума на маньчжурском в Большом совете (軍機處滿文副奏摺)» Первого исторического архива, один из Центрального государственного архива Республики Казахстан, и еще один из книги «Внешняя политика России XIX и начала XX века» (М.: Изд-во Наука, т. 11–12, 1979–80). Все эти документы представляют большое значение для изучения истории взаимоотношений между Казахскими ханствами и Цинской и Российской империями.

Содержание «Сборника документов от казахских султанов к династии Цин» следующее:

Introduction [Введение] (NODA Jin)

Chapter 1. Documents from Kazakh Sultans to the Qing Dynasty [Первая глава. Документы от казахских султанов к династии Цин]

Chapter 2. Political Relations between the Qing Dynasty and Kazakh Nomads in the Mid-18th Century: Promotion of the ‘*ejen-albatu* Relationship’ in Central Asia [Вторая глава. Политические отношения между династией Цин и казахскими кочевниками в середине XVIII века: продвижение «отношений *эджен-альбату*» в Средней Азии] (ONUMA Takahiro)

Chapter 3. An Essay on the Title of Kazakh Sultans in the Qing Archival Documents [Третья глава. Очерк о титулах казахских султанов в цинских архивных документах] (NODA Jin)

Chapter 4. Kazakh Missions to the Qing Court [Четвертая глава. Казахские миссии ко двору Цин] (ONUMA Takahiro)

Glossary [Глоссарий]

Bibliography [Библиография]

Во введении составители сборника раскрыли исследовательские направления в отношении этих документов. Они отметили, что предшествующие исследователи проявляли интерес к языку документов. По мнению последних, ойратский язык с тодским шрифтом использовался в более ранних документах, а тюркский язык на арабице – более поздних. Использование ойратского языка было обусловлено наличием ойратов (калмыков) в казахском обществе [7, p. 101–102; 9, p. 49]. Причина замены ойратского языка на тюркский до сих пор не выявлена и ожидает своего исследования. Также окончательно не определено, какой именно тюркский язык использован в документах – чагатайский или татарский, но при этом он отличается от современного казахского языка⁵. Однако известно наличие в казахском обществе переводчиков/секретарей татарского происхождения, которые, возможно, оказали определенное влияние на развитие и изменение языка документации казахов, связанной с династией Цин. Таким образом, можно предположить, что в язы-

中国第一歷史檔案館・哈薩克斯坦東方學研究所. Vol. 1–2. Beijing: Zhongguo dangan chubanshe, 2006–07 (in 5 vols). Нода вкратце представляет этот сборник [4].

⁴ О документах от казахских султанов к России и положении дел в их публикациях см. [5, p. 12; 6, p. 14–15; 7, p. 1–2].

⁵ Что касается грамотности казахов во второй половине XVIII века, сообщается, что никто, кроме султанов, которых обучали татарские секретари, не знал письменности [7, p. 3, n. 17].

ке документов отражены особенности кыпчакской (северо-западной) группы тюркских языков. Однако в то же время встречаются случаи, сходные с типами языков юго-восточной группы (например, современного уйгурского).

Также во введении рассмотрены формы тюркских документов к России, ойратские документы к Цин и тюркские документы к Цин. На формат тюркских документов к России большое влияние оказала официальная русская документация, а формат ойратских документов к Цин аналогичен формату ойратских документов к России. Интересен тот факт, что, по сравнению с первыми двумя видами, тюркские документы к Цин не имеют фиксированного формата, содержат много грамматических и орфографических ошибок, что, вероятно, отражает грамотность писарей. По крайней мере, в начальный период сторона Цин не могла полностью понять тюркский документ от казахов, так что разговоры лицом к лицу между чиновниками провинции Цин и казахскими посланниками были неизбежны на северо-западной границе Цин.

В конце введения есть рисунок о потоке казахской корреспонденции в соответствии с системой Дворцовых меморандумов Цин, поэтому мы приводим его здесь (рис. 1).

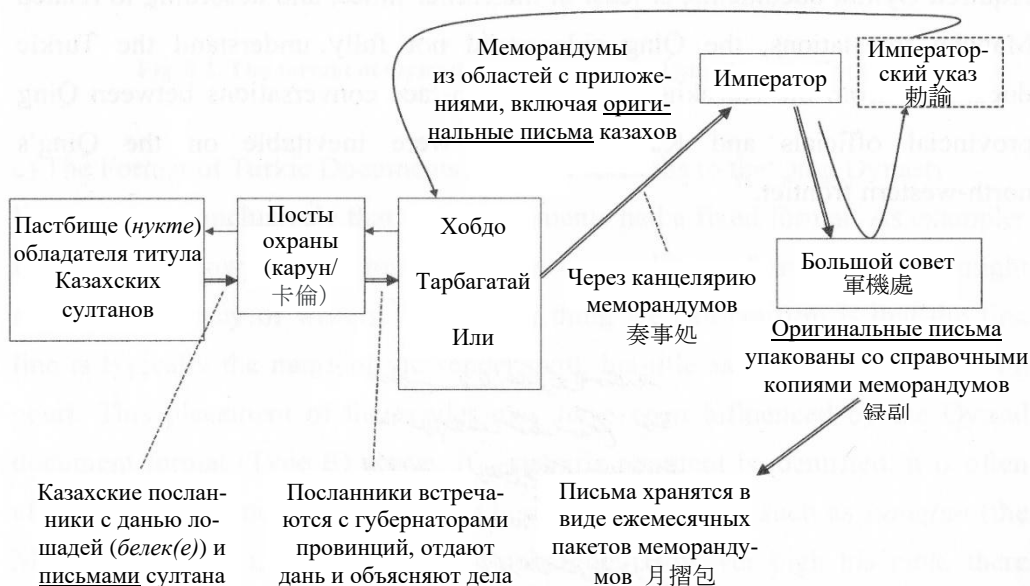

Рис. 1. Поток казахской корреспонденции в соответствии с системой Дворцовых меморандумов (奏摺) Цин [7, p. 8]

Fig. 1. The flow of Kazakh correspondence in accordance with the system of Palace Memorandums (奏摺) of the Qing

Первая глава является ядром этого исследования, которое содержит тексты, транскрипции, переводы и комментарии к документам. Три из них написаны на ойратском языке, а остальные тринадцать – на тюркском. Здесь также даны факсимиле, которые были изданы в других публикациях и для которых составители смогли получить разрешение на переиздание; а для тюркских документов без факсимиле были предоставлены тексты на арабском шрифте. Кроме того были добавлены транскрипции и переводы меморандума на маньчжурском языке. Как транскрипция, так и переводы выполнены тщательно и точно, комментарии помогают глубже понять документ. Немаловажно, что личные имена в печати были прочитаны.

Ниже приводится краткая характеристика шестнадцати документов [7, p. 10].

документ	дата	отправитель	адресат	язык / шрифт
A	1757 (ЦЛ22)	Аблай	И. Цяньлун	ойрат / тодо
B	1758 (ЦЛ23)	Абулфейз	Нусан	ойрат / тодо
C	1769 (ЦЛ34)	Абулфейз	Юнгуй, ВГИ	тюрк / араб
D	1773 (ЦЛ38)	Аблай	Илету, ВГИ	ойрат / тодо
E	1775 (ЦЛ40)	Абулфейз	Кингуй, СТ	тюрк / араб
F	1779 (ЦЛ44)	Хан Ходжа	Кингуй, СТ	тюрк / араб
G	1779 (ЦЛ44)	Аблай	Илету, ВГИ	тюрк / араб
H	1781 (ЦЛ46)	Абулфейз	Хуилин, СТ	тюрк / араб
I	1781 (ЦЛ46)	Даир	Илету, ВГИ	тюрк / араб
J	1788 (ЦЛ53)	Бопу	Юнбоо, СТ	тюрк / араб
K	1800 (ЦзЦ5)	Джучи	Гунчукджап, СТ	тюрк / араб
L	1800 (ЦзЦ5)	Джучи	Боонин, ВГИ	тюрк / араб
M	1800 (ЦзЦ5)	Джучи	И. Цзяцин	тюрк / араб
N	1824 (ДГ4)	Губайдулла	Харшан, СТ	тюрк / араб
O	1828 (ДГ8)	Алтынсары	И. Даогуан	тюрк / араб
P	1820 (ЦзЦ25) ⁶	Бопу	Сперанский, ГС	тюрк / араб

* ЦЛ=Цяньлун; ЦзЦ=Цзяцин; ДГ=Даогуан; И=Император; ВГИ=Военный губернатор Или; СТ=Советник Тарбагатай; ГС=Губернатор Сибири.

** Д. Нода отвечает за документы С, D, H, I, N и P.

Т. Онума отвечает за документы А, В, E, F, G, J, K, L и M.

Вторая и третья главы – это статьи составителей, основанные на документах сборника.

Т. Онума (вторая глава) использует источники на маньчжурском языке, чтобы пересмотреть порядок статуса между Цин и казахами, который до сих пор рассматривался на основе китайских источников.

Во время завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана (Кашгарии) в середине XVIII века Цин вступил в контакт с казахами, киргизами, Кокандским ханством. Основной целью Т. Онумы было выяснить, как были выстроены статусные взаимоотношения между Цином, казахскими и другими среднеазиатскими силами. Как известно, в цинско-казахских отношениях эпохальным было то, что Аблай среднего *джуза* продемонстрировал волю подчинения императору Цяньлун в 1757 году. Это подчинение Аблая было описано в китай-

⁶ Несмотря на то, что в оригинальной таблице это ЦзЦ5, должно быть ЦзЦ25.

ском источнике «Запись об умиротворении Джунгара (平定準噶爾方略)»: Аблай направил посланников, предоставил свою дань и потребовал, чтобы он стал «подданным (кит. *чэньпу* 臣僕)» «Великого императора центральной нации (кит. *чжунго да хуанди* 中国大皇帝)», возглавляя всех казахов; император Цяньлун провозгласил, что «они называют себя [моими] подданными (кит. *чэнь* 臣) и платят дань уважения», а затем объявил, что он проводит по отношению к казахам «политику свободнее-узды (кит. *цзими* 羈縻)» и относится к ним как к юго-восточным «вассалам (кит. *фаньшу* 藩屬)», таким как «Аннан/Аннам (т.е. Вьетнам), Люцю/Рюкю (т.е. Окинава) и Сянлуо/Сиам (т.е. Таиланд)». На основе этих данных некоторые исследователи сделали вывод, что между Цин и казахами были заключены традиционные «отношения сюзерен-вассал (кит. *цзун-фань* 宗藩)», на которые сильное влияние оказало конфуцианство, и для поддержания этих отношений были подготовлены правила «системы дани» и «дарования титулов». Таким образом, цинско-казахские отношения были поняты в рамках китайско-конфуцианского мировоззрения. Однако Т. Онума утверждает, что в рамках китайско-конфуцианского мировоззрения суть цинско-казахских отношений не может быть понята. В своих рассуждениях он опирается на маньчжурскую «Запись об умиротворении Джунгара», которая отражает лексические особенности оригинального текста, и документах, включенных в «Сборник документов от казахских султанов к династии Цин».

В маньчжурской «Записи об умиротворении Джунгара» Аблай говорит: «Я надеюсь подчиниться со всеми казахами, чтобы навсегда стать *альбату* Великого *эджена*». «*Эджен*» – монгольское слово, и его первоначальное значение – «хозяин»; «*альбату*» – «простой человек, подчиненный человек, раб»⁷. Цин использует понятие «отношений хозяин-раб (мон. *эджен-альбату*)» в установлении своего господства над монголами, рассматривая их как «*альбату*» императора Цин и настаивая на легитимности его правления [8, р. 16–21]. В «Сборнике документов от казахских султанов к династии Цин» в документе А, являющемся копией письма Аблая, написанном по-ойратски на тодском шрифте, отражено понимание казахами из подчинения Цин. По словам Аблая, казахи стали «*альбату*» «Верховного великого хана (т.е. императора Цин)», т.е. Аблай подразумевал об установлении «отношения *эджен-альбату*» в монгольском стиле. Этому же мнению придерживалась цинская сторона, о чем свидетельствует заявление связанного с этим процессом Чжаохуй, командира Цин, зафиксированное в маньчжурском меморандуме: «Аблай подчинился [Цин] со всеми казахами, чтобы стать *альбату* Великого *эджена*».

На основе этих документов Т. Онума выясняет, что статусные взаимоотношения между Цин и казахами основывались на «отношениях *эджен-альбату*», берущих свое начало в монгольском кочевом обществе, а не на «отношениях *цзун-фань*», основанных на конфуцианском мировоззрении. Кроме того, об этом свидетельствует указ императора Цяньлун, специально написанный на китайском языке для китайско-конфуцианского общества. В указе сказано, что Цин относится к казахам как к «*фаньшу*» и контролирует их посредством «политики свободнее-узды»; указывает на то, что Цин, ловко

⁷ Об «*эджен*» и «*альбату*» см [1, с. 158–159; 2].

меняя языки, логику, последовательно объяснял отношения с казаками тем, кто принадлежал к китайско-конфуцианской культуре.

«Отношения *эджен-альбату*» подтверждаются и в других документах «Сборника документов от казахских султанов к династии Цин». Более того, эти отношения применялись и к другим среднеазиатским народам и регионам, таким как киргизы, кокандцы и Памирский горный регион. Это является важным указанием на то, что после распада Джунгара Цин пытался урегулировать беспорядки в Средней Азии и выстроить новый порядок. Тем не менее, несмотря на то, что Цин стремился распространить «отношения *эджен-альбату*» на другие среднеазиатские народы и установил связи с ними, неясно, были ли отношения заключены по взаимному согласию, и, как отметил Т. Онума, каждое обстоятельство требует дальнейшего изучения.

В 1760–1762 гг. Цин установил «посты охраны (кит. *каруны* 卡倫)» вдоль границы и тем самым ввел принцип внутреннего и внешнего разделения владения в Средней Азии (рис. 2). Это стало первым шагом на пути внедрения

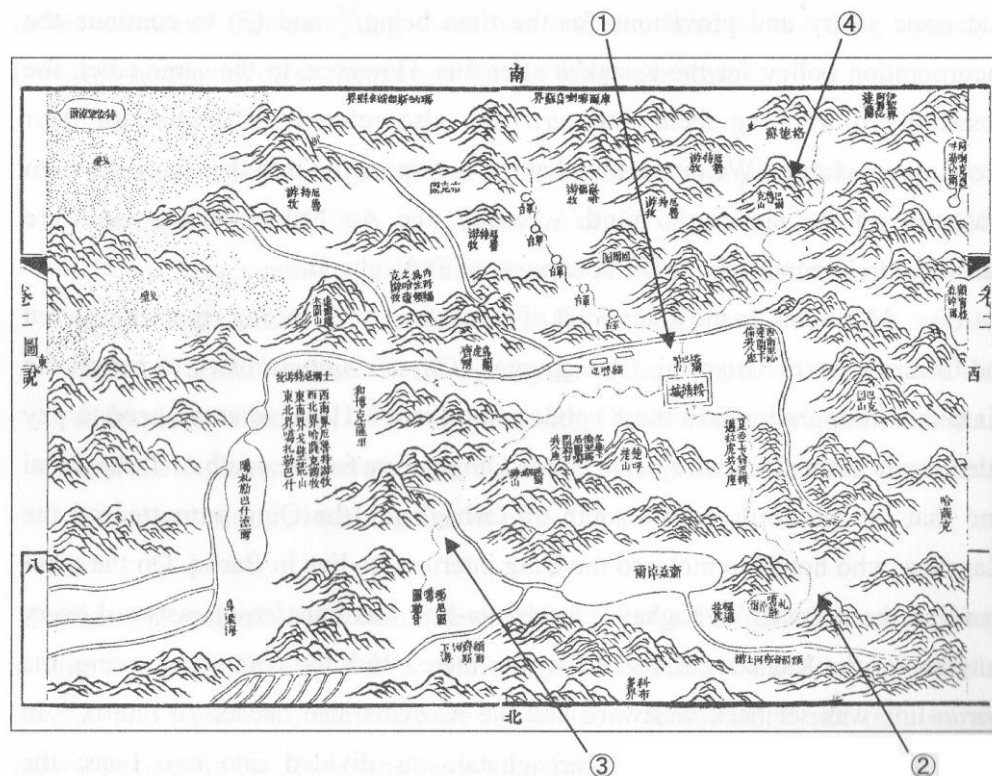

Рис. 2. Карун-линии в Северном Синьцзяне [7, р. 116]

Fig. 2. Karun Lines in Northern Xinjiang

* Через Тарбагатай (①) линия, проходящая к северной (нижней) стороне, показывает «летнюю карун-линию» (②), а линия, проходящая к северо-восточной (нижней левой) стороне, – «зимнюю карун-линию» (③). Пастбища инкорпорированных казахов находились вокруг «гор Барлик» (④) на юге (вверху) на Тарбагатае.

«территориального принципа» в кочевое общество. Однако, основываясь на анализе случая, когда некоторые казахи на основании своего статуса «*альбату*» императора Цин требовали позволить иммигрировать внутрь *карун*-линии, и Цин разрешил им, Т. Онума говорит, что в этот период вдоль северо-западной границы Цин идея разделения территории на внутреннюю и внешнюю часть еще не была абсолютной. Действительно, были случаи, когда «отношения *эджен-альбату*», другими словами, «личные принципы», получали большее значение. Кроме того, когда в Средней Азии возникали споры, император Цяньлун рассматривал их с позиции «*эджена*» и призывал к миру и согласию.

Таким образом, на основании источников Т. Онума окончательно отходит от концепции «отношений *цзун-фань*», основанных на конфуцианском мировоззрении, и приходит к выводу, что международный мировой порядок между Цин и другими среднеазиатскими регионами и народами, включая казахов, основывался на «отношениях *эджен-альбату*». Такой порядок взаимоотношений свидетельствует в свою очередь, что империя Цин сочетала в себе элементы как среднеазиатского/евразийского государства⁸, так и китайского государства.

В третьей главе Д. Нода рассматривает отношения между Казахскими ханствами и Цинской и Российской империями через призму описаний титулов казахских султанов. Предыдущие исследователи рассматривали казахские титулы, в основном, как следствие политики пособий Цин или их наследования, однако Д. Нода обращает внимание на требования к титулам казахов, т.е. на значение, которое придавалось титулам от Цин для казахов. Также он рассматривает понимание Россией казахских титулов и различия между политикой Цин и России в отношении Казахских ханств.

Во-первых, рассматривается ранний период (1757–80) в титулатуре казахско-цинских отношений⁹. Подчинение Аблая Цин в 1757 году сблизило их, и, возможно, примерно с этого времени началось дарование титулов с данью. Д. Нода выделяет следующие мотивы Цин и казахских султанов. Империя Цин, противостоявшая в этот период непокоренным джунгарам, стремилась успокоить казахов, и по аналогии с наделением титулами монголам¹⁰, Цин решил даровать титулы казахским султанам и тем самым обязать их отправлять делегации по системе «*няньбань*» (年班. ежегодные поездки в Пекин). Кроме того был утвержден уже существовавший у казахов титул хана¹¹. Казахские султаны в свою очередь попросили императора Цин даровать титулы, потому что они надеялись установить свое превосходство в казах-

⁸ О дискуссии по поводу аспектов среднеазиатского/евразийского государства Цин, особенно сфокусированной на восьмизнаменной системе, см. [11, р. 251–301].

⁹ Титулы казахов были «хан (汗)», «ван (王)», «гун (公)», «тайцзи (台吉)», и обычно они наследовались [5, р. 151; 6, р. 184].

¹⁰ Несмотря на то, что казахские султаны получали титулы, они не брали на себя военные обязанности. Таким образом, титулы, данные казахам, несколько отличаются от титулов монголов в системе «*джазагов*». Это означает, что в отличие от монголов и мусульман в Синьцзяне, казахи в строгом смысле не считались «внешними вассалами (кит. *вайфань* 外藩)» [5, р. 152–153; 6, р. 186].

¹¹ Однако казахский «*хән*» и человек, получивший титул «*хана* (汗)» от Цин, не обязательно совпадали [5, р. 154; 6, р. 187].

ском обществе; раньше на переговорах с Россией в качестве представителей выступали казахские «ханы», а казахские султаны представляли свои племена, если они носили титул «хана (汗)» от Цин, который был очень похож на русский «хан-ранг» (документы I, N)¹². Мы видим в этом указание на то, что Цин даровал титулы казахским султанам случайным образом. Это может быть связано с неустойчивым положением казахов, чьи пастбища находились как на территории империи Цин, так и за ее пределами; одним словом, они рассматривались как неоднозначные вассалы империи (рис. 3). Кроме того, этот вопрос связан и с ситуацией на северо-западной границе Цин, на которую указал Т. Онума. В целом, колебание «личного принципа» и «территориального принципа» на границе Цин, а также неоднозначность положения казахов должны стать темой будущих исследований.

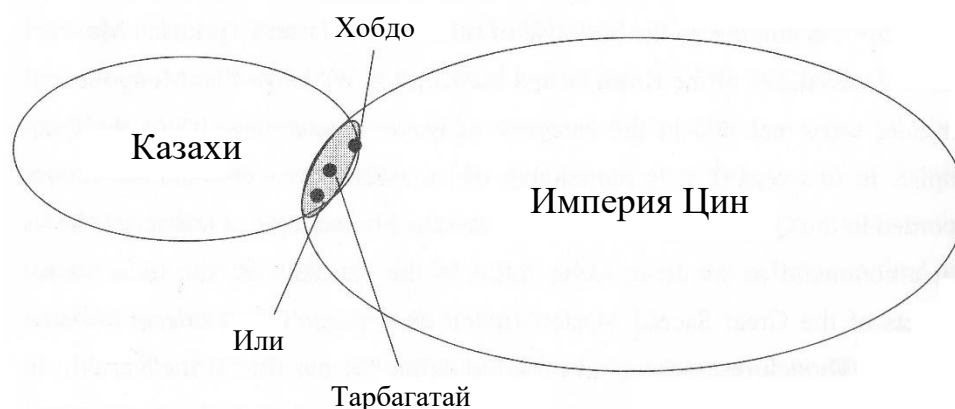

Рис. 3. Перекрывающееся пространство между казахами и территорией Цин [7, p. 132]

Fig. 3. Overlapping space between Kazakhs and Qing territory

Анализ документов (С, D, H) показывает, что документами обменивались при возникновении проблем между империей Цин и казахами, что отправителем и получателем на казахской стороне обычно был султан, которому был дарован титул. Эти документы гарантировали ответственность титул-обладателя по отношению к администрации своих соплеменников. Интересен тот факт, что оригинальный документ хранился у потомка, т.е. этот документ служил символическим подтверждением его авторитета. Титул, полученный от империи Цин, возлагал на его казахского обладателя ответственность за поддержание мира среди казахов. Таким образом, Д. Нода показывает, что нельзя воспринимать титул казахских султанов односторонне, расценивая их

¹² Д. Нода говорит: «здесь мы должны быть осторожны с разницей между традиционным ханом в тюркском языке, титулом Цина – хана (汗), который происходит от китайского языка, и русским словом “хан”» [7, p. 145, n. 79].

только как результат политики пособий Цин: на самом деле «система дарования титулов» была выгодна обеим сторонам для установления отношений.

В средний период (1781–1821) среди казахских султанов начались ссоры из-за наследования титулов. Анализ этих ссор (документ Г) показывает, что легитимность казахской аристократической власти основывалась на генеалогии, и что сторона Цин проводила исследования по происхождению семьи казахских ханов.

В последний период (1822–) «система дарования титулов» постепенно становилась простой формальностью, частично из-за влияния России. Здесь Д. Нода обращает внимание на случай, когда после смерти своего отца Губайдулла пытался унаследовать его титул *хана* (汗), но потерпел неудачу из-за вмешательства России (1824)¹³. В 1822 году, в России был утвержден «Устав о сибирских киргизах», и казахи среднего *джуза* были включены в состав Омской губернии, а вместо хана была создана должность *ага-султана*. Документ Н – письмо Губайдуллы, в котором он заявляет Цин о своем отречении от титула: «Это правда, что я (т.е. Губайдулла) дал клятву Белому хану, Великому русскому императору, искренне поцеловал священный Коран и стал его подданным (*албату*)...Я хотел бы сообщить Вашему величеству, что я хочу покинуть *Эджен* хана (т.е. императора Цин), я не ищу позицию *хана*». Несмотря на то, что Цин одобрил наследование титула хана Губайдулле, последний отказался от него и стал *ага-султаном*¹⁴. В 1826 г. был еще случай наследования титула *хана* Алтунсаром (Документ О), но это было простой формальностью, поскольку признание Россией «хан-ранга» было прекращено уставом 1822 года. Россия не могла допустить того, чтобы Цин даровал титул *хана* казахам, которые были подданными России. Здесь прослеживаются различия между политикой Цин, которая основывалась на невмешательстве к казахам, и политикой России, активной продвигавшейся в казахскую степь.

Также Д. Нода рассматривает различия подчиненности казахов России и Цин. Подчиненность казахов России была выражена словами «подданство» или «подданный», и постепенно они стали использоваться и в тюркских документах. Д. Нода сравнивает эти понятия с «*альбату*» в «отношениях *эджен-альбату*», которые освещает Т. Онума в цинско-казахских отношениях (глава вторая). В документе О для обозначения того, что казахи были подданными Коканда и России, используется термин «*бодам*», что соответствует русскому слову «подданный». И в документе Н Губайдулла заявил: «Я уже был *альбату* (России)». Согласно Д. Ноде, казахские султаны были далеки от правильного понимания «отношений *эджен-альбату*», «*альбату*» имело для них относительно простое значение (вероятно, то же значение, что и «*бодам*»). Это интересный взгляд, но, к сожалению, таких примеров в документах мало, поэтому он еще требует подтверждения. Развитие и трансформация «отношений *эджен-альбату*», а также сравнение «*альбату*» и «*бодам*», должны стать темами будущих исследований.

¹³ О деталях этого случая, в том числе о понимании Россией титула, см. [5, р. 149–179; 6, р. 181–212].

¹⁴ Несмотря на то, что желание Губайдуллы не было реализовано, его намерение наследовать титул *хана* было очевидно по его печати: «Губайдулла **хан**, сын Вали хана» [7, р. 143].

Важно также отметить, что Россия считала *ага-султана* официальной должностью¹⁵, выплачивала им зарплаты и пенсии, в результате чего казахские султаны вошли в российскую административную систему в качестве имперских чиновников. В отличие от российской администрации, Цин продолжал даровать титулы казахским султанам, которые были представлены внешними вассалами империи.

Таким образом, изучая титулы казахских султанов в этих документах, Д. Нода четко отображает основные колебания казахско-цинско-российских отношений в этот период; другими словами, переворот казахской «двусторонней дипломатии».

Наконец, в четвертой главе приведен список миссий от казахов ко двору Цин (1757–1824), где указаны даты, отправители, члены и источники. Он составлен на основании «Записи о казахах на маньчжурском (滿文哈薩克檔)» и представляет собой историческую значимость.

Анализ «Сборника документов от казахских султанов к династии Цин» показал, что он представляет большую ценность как источник для изучения истории взаимоотношений между казахскими султанами, империей Цин и Россией. На основании этих источников были пересмотрены существовавшие ранее мнения о характере отношений между Цин и его среднеазиатскими вассалами, о наличии во внешней политике империи Цин одновременно аспектов среднеазиатского/евразийского и китайского государства. Также были выявлены особенности и различия титулов, дарованных казахским султанам империей Цин и Россией, что дает возможность по-новому взглянуть на казахско-цинско-российские отношения. Мы надеемся, что введение в научный оборот этого сборника документов будет способствовать дальнейшему изучению истории взаимоотношений между Казахскими ханствами и Цинской и Российской империями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1934. xii + 224 с.
2. Ishibashi H. Shinsho no ejen: Taiso, Taisō chō wo chūshin ni // Shinchō to higashi ajia. Tokyo: Yamakawa shuppansha, 1992. P. 3–16.
3. Noda J. Roshin no hazama no kazafu hān koku: Surutan to shinchō no kankei o chūshin ni // Tōyō gakuho. 2005. Vol. 87. № 2. P. 29–59.
4. Noda J. Shindai tō'an shiryō to chū'ō ajia shi kenkyū: Qingdai zhongha quanxi dang'an huibian no shuppan ni yosete // Manzokushi kenkyū. 2007. Vol. 6. P. 162–173.
5. Noda J. Roshin teikoku to kazafu hankoku. Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai, 2011. vi + 292 p.
6. Noda J. The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian International Relation during the eighteenth and nineteenth centuries. Leiden; Boston: Brill, 2016. xx + 350 p.

¹⁵ После 1822 года казахи продолжали избирать ханов между собой; однако титул *хан* от Цин больше не был средством легитимации, и «хан-ранг» от России прекратил свое существование, замененный позицией *ага-султана*. Восприятие казахских султанов, возможно, лучше всего отражено в заявлении Курбан али: «ага-султан эквивалентен позиции бывшего *хана*» [5, p. 175; 6, p. 208].

7. Noda J., Onuma T. *A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty*. Tokyo: Department of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, the University of Tokyo, 2010. iii + 176 p.
8. Onuma T. *Shinchō ni yoru ōroto kaku otoku shihai no tenkai: mongoru shobu ni taisuru 'ki' shihai no dōnyū* // *Tōyō gakuho*. 2004. Vol. 85. № 4. P. 1–26.
9. Onuma T. *Shinchō to kazafu yūboku seiryoku tonō seijiteki kankei ni kansuru ichi kōsatsu: chū'ō ajia ni okeru ejen-albatu kankei no fuen to tenkai* // *Ajia Afurika gengo bunka no kenkyū*. 2006. Vol. 72. P. 39–63.
10. Onuma T. *Shin to chū'ō ajia sōgen: yūbokumin no sekai kara teikoku no henkyō e*. Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai, 2014. vii + 311 p.
11. Sugiyama K. *Daishin teikoku no keisei to hakkisei*. Nagoya: Nagoya daigaku shuppankai, 2015. xii + 541 + 19 p.

Сведения об авторе: Хироюки Нагаминэ – магистр литературы, лектор, отделение общего образования, Национальный институт технологии, Ояма колледж (771 Накакуки, Ояма, Точиги 323-0806, Япония). E-mail: h_nagamine@oyama-ct.ac.jp; gamaja.yokaton.13@gmail.com

*Поступила 10.12.2020 Принята к публикации 25.02.2021
Опубликована 29.03.2021*

REFERENCES

1. Vladimirtsov, B.Ya. *Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm* [Social Structure of the Mongols. Mongolian Nomadic Feudalism]. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1934. xii + 224 p. (In Russian)
2. Ishibashi H. *Shinsho no ejen: Taiso, Taisō chō wo chūshin ni* [Ejen in the Early Qing Period: The Taizu and Taizong Reign]. *Shinchō to hīgashi ajia* [The Qing Dynasty and East Asia]. Tokyo: Yamakawa shuppansha, 1992, pp. 3–16. (In Japanese)
3. Noda J. *Roshin no hazama no kazafu hān koku: Surutan to shinchō no kankei o chūshin ni* [The Kazakh Khanate between the Russian and Qing Empires: Particularly the relations between the Kazakh Sultans and the Qing Dynasty]. *Tōyō gakuho* [Journal of the Research Department of the Toyo Bunko]. 2005, vol. 87, no. 2, pp. 29–59. (In Japanese)
4. Noda J. *Shindai tō'an shiryō to chū'ō ajia shi kenkyū: Qingdai zhongha quanxi dang'an huibian no shuppan ni yosete* [Qing archival documents and recent research of Central Asian history: An introduction of the Qingdai zhongha quanxi dang'an huibian]. *Manzokushi kenkyū* [Journal of Manchu and Qing Studies]. 2007, vol. 6, pp. 162–173. (In Japanese)
5. Noda J. *Roshin teikoku to kazafu hankoku* [The “Kazakh Khanate”: Between Russian and Qing Empires]. Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai, 2011. vi + 292 p. (In Japanese)
6. Noda J. *The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian International Relation during the eighteenth and nineteenth centuries*. Leiden; Boston: Brill, 2016. xx + 350 p.
7. Noda J. and Onuma T. *A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty*. Tokyo: Department of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, the University of Tokyo, 2010. iii + 176 p.

8. Onuma T. Shinchō ni yoru ōroto kaku otoku shihai no tenkai: mongoru shobu ni taisuru ‘ki’ shihai no dōnyū [Banner rule over the Mongolian tribes by the Qing Dynasty: The case of Oyirad Otoks]. *Tōyō gakuho* [Journal of the Research Department of the Toyo Bunko]. 2004, vol. 85, no. 4, pp. 1–26. (In Japanese)

9. Onuma T. Shinchō to kazafu yūboku seiryoku tonō seijiteki kankei ni kansuru ichi kōsatsu: chū’ō ajia ni okeru ejen-albatu kankei no fuen to tenkai [The political relations between the Qing Dynasty and Kazakh Nomads: Promotion of the “ejen-albatu relationship” in Central Asia]. *Ajia Afurika gengo bunka no kenkyū* [Journal of Asian and African Studies]. 2006, vol. 72, pp. 39–63. (In Japanese)

10. Onuma T. *Shin to chū’ō ajia sōgen: yūbokumin no sekai kara teikoku no henkyō e* [The Qing and the Central Asian Steppe: From the Nomadic Arena to the Imperial Frontier]. Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai, 2014. vii + 311 p. (In Japanese)

11. Sugiyama K. *Daishin teikoku no keisei to hakkisei* [The Formation of the Great Qing Empire and the Eight Banner System]. Nagoya: Nagoya daigaku shuppankai, 2015. xii + 541 + 19 p. (In Japanese)

About the author: Hiroyuki Nagamine – Master of Arts, Lecturer, Department of General Education, National Institute of Technology, Oyama College (771 Nakakuki, Oyama, Tochigi 323-0806, Japan). E-mail: h_nagamine@oyama-ct.ac.jp; gamaja.yokaton.13@gmail.com

*Received December 10, 2020 Accepted for publication February 25, 2021
Published March 29, 2021*